

ДАВИД РИКАРДО

*НАЧАЛА ПОЛИТИЧЕСКОЙ
ЭКОНОМИИ И НАЛОГОВОГО
ОБЛОЖЕНИЯ*

*ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА*

УДК 33.01(091)(410)
ББК 65.01
P50

Серия «Эксклюзивная классика»

Перевод с английского *Н. Зибера*

Серийное оформление *А. Фереца, Е. Фerez*

Компьютерный дизайн *В. Воронина*

Рикардо, Давид.
P50 Начала политической экономии и налогового об-
ложения / Давид Рикардо ; [перевод с английского
Н. Зибера]. — Москва : Издательство АСТ, 2023. —
576 с. — (Эксклюзивная классика)

ISBN 978-5-17-151634-5

Давид Рикардо (1772—1823) — английский экономист, по-
следователь и одновременно оппонент Адама Смита, один из
основателей классической политической экономии.

В работе «Начала политической экономии и налогового об-
ложения» автор определил главную задачу политэкономии —
определение законов, управляющих распределением созданного
продукта.

Стоимость определяется трудом, «определение стоимости
рабочим временем есть абсолютный, всеобщий закон». На осно-
ве трудовой теории стоимости Рикардо создал и теорию ренты,
в которой источником ренты является не особая щедрость при-
роды, а прилагаемый труд.

Кроме того, Рикардо сформулировал теорию сравнительных
преимуществ для внешней торговли, количественную теорию де-
нег и идеологию «золотого стандарта».

УДК 33.01(091)(410)
ББК 65.01

ISBN 978-5-17-151634-5

© ООО «Издательство АСТ», 2023

ПРЕДИСЛОВИЕ

Продукт почвы, все, что берется с поверхности ее соединенным применением к делу труда, машин и капитала, разделяется между тремя классами общества, а именно: землевладельцем, владельцем денег или капитала, необходимого на обработку ее, и рабочими, трудом которых она возделывается.

Но пропорции, в которых целый продукт почвы должен быть разделен между каждым из этих классов под именем ренты, прибыли и задельной платы, значительно различаются между собою на различных ступенях общественного развития, что зависит главным образом от данного плодородия почвы, от накопления капитала и населения и от ловкости, способностей и орудий, употребляемых в земледелии.

Определить законы, регулирующие это распределение, составляет главную задачу политической экономии. Как ни обогатили науку труды Тюрго, Стёарта, Смита, Сэя, Сисмонди и других писателей, но они дают весьма мало удовлетворительных объяснений относительно естественного хода ренты, прибыли и задельной платы.

В 1815 году Мальтус — в своем «Inquiry into the Nature and Progress of a Rent» — и Fellow of University College, Oxford (Уэст) — в своем «Essay on the Application of Capital to Land» — представили миру почти в одно и то

же время истинное учение о ренте, без знакомства с которым нельзя понять действия накопления богатства на прибыль и задельную плату или удовлетворительно обозначить влияние налогов на различные классы общества, особенно когда обложенные ими продукты составляют предмет, непосредственно добываемый с поверхности земли. Ад. Смит и другие талантливые писатели, о которых я упоминал, не видя начала ренты в ясном свете, просмотрели, кажется, многие важные истины, которые могут быть раскрыты лишь после того, когда понята как следует сущность ренты.

Для пополнения этого пробела нужны способности, далеко превышающие те, которыми располагает автор следующих страниц; но после того, как он посвятил этому предмету все свое внимание, после того, как он воспользовался помощью упомянутых превосходных писателей, и после того, как несколько последних лет, обильных фактами, дали ценный опыт настоящему поколению, нельзя, кажется, считать притязательной попытку автора установить свои мнения о законах прибыли и задельной платы и о действии налогов. Если начала, которые он признает правильными, действительно будут найдены таковыми, то на долю других лиц, более его талантливых, выпадет задача обозначить все важнейшие их последствия.

Оспаривая установившиеся мнения, автор считал необходимым особенно обращаться к тем цитатам из Ад. Смита, с которыми он имел причины не соглашаться. Но он надеется, что никто не заподозрит его вследствие этого в том, что он не разделяет удивления, столь справедливо возбуждаемого глубокомысленным сочинением знаменитого писателя, — вместе со всеми теми, кто признает важное значение науки политической экономии.

То же замечание может быть применено к превосходным трудам Сэя, который не только был первым или одним из первых писателей континента, справедливо оценившим и применившим начала Ад. Смита, который сделал более, чем все другие континентальные писатели вместе, в деле рекомендации начал этой прекрасной и благотворительной системы народам Европы, но который, сверх того, успел сообщить науке более логический и более поучительный порядок и обогатил ее различными исследованиями — оригинальными, точными и глубокими¹. Но уважение, питаемое автором к трудам Сэя, не помешало ему комментировать с тою свободою, которой требуют, по его мнению, интересы науки, те цитаты из «Economie Politique», которые казались ему несогласными с его собственными идеями².

¹ Chap. XV, Part I, «Des Debouches» в особенности содержит многие весьма важные начала, которые, кажется, в первый раз были объяснены этим превосходным автором.

² Ввиду того что Рикардо почти нигде в своих сочинениях не соглашается с мнениями Сэя, а напротив, относится к ним большею частью иронически, настоящий дифирамб автора французскому экономисту следует приписать гораздо более соображениям вежливости, чем действительно высокой оценке.

ПРЕДИСЛОВИЕ ТРЕТЬЕГО ИЗДАНИЯ

В этом издании я старался разъяснить с большею полнотой, чем в предыдущем, мнение свое о трудных частях учения о ценности и с этою целью сделал некоторые дополнения к первой главе. Я присоединил к нему также новую главу «о машинах и о влиянии улучшения их на интересы различных классов общества» и рассмотрел учение Сэя об этом важном вопросе, дополненное в 3-м и последнем издании его сочинений. Я старался в последней главе поставить на более строгую, чем прежде, точку зрения учения о способности страны вносить добавочные денежные налоги, хотя бы совокупная денежная ценность всей массы товаров и упала вследствие или уменьшения количества труда, требуемого на производство хлеба внутри страны, от хозяйственных улучшений в ней, или же от получения части хлеба по более дешевой цене из-за границы путем вывоза мануфактурных ее товаров. Это наблюдение имеет большую важность, потому что касается вопроса о политике свободного ввоза чужого хлеба, особенно в стране, отягощенной большим постоянным и денежным налогом вследствие громадного национального долга, и я старался показать, что способность к уплате налогов зависит не от валовой денежной ценности це-

лой массы товаров или от чистой денежной ценности доходов капиталистов и землевладельцев, не от денежной ценности доходов каждого в сравнении с денежной ценностью товаров, которые он обыкновенно потребляет.

*Автор.
26 марта 1821 года*

*Начала
политической экономики*

Глава I

О ЦЕННОСТИ

ОТДЕЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Ценность предмета, или количество всякого другого предмета, за которое он обменивается, зависит от сравнительного количества труда, необходимого на его производство, а не от большего или меньшего вознаграждения, получаемого за этот труд.

Адам Смит заметил, что «слово «ценность» употребляется в двух различных значениях и выражает иногда полезность какого-нибудь предмета, иногда же покупную силу относительно других предметов, которую доставляет обладание им. Первая может быть названа ценностью потребления, вторая меновой ценностью».

«Вещи, — продолжает он, — имеющие наибольшую ценность потребления, часто обладают лишь незначительною меновой ценностью или вовсе не обладают ею, и, наоборот, те вещи, меновая ценность которых наиболее велика, имеют лишь весьма мало потребительной ценности или не имеют ее вовсе».

Вода и воздух чрезвычайно полезны, они даже необходимы для существования, и, несмотря на это, при обыкновенных обстоятельствах за них ничего нельзя

получить в обмен. Напротив того, золото, имея незначительную ценность потребления, в сравнении с воздухом и водою обменивается за большое количество других предметов.

Итак, полезность не есть мерило меновой ценности, хотя последняя без нее немыслима. Если предмет вовсе не имеет потребительной ценности — иными словами, если мы не можем извлечь из него для себя ни удовольствия, ни пользы, — в таком случае у него не будет и меновой ценности, несмотря на его редкость и на количество труда, необходимое на его производство.

Предметы, обладающие полезностью, заимствуют свою меновую ценность из двух источников: редкости и количества труда, необходимого на их добывание.

Существуют некоторые предметы, ценность которых определяется исключительно их редкостью. Никакой труд не в состоянии увеличить количество таких предметов, и поэтому ценность их не может быть понижена вследствие увеличения снабжения. Некоторые редкие картины и статуи, редкие книги и монеты, вина особенного качества, добываемые из винограда, растущего на специфической почве, пространство которой весьма ограничено, принадлежат к этой категории. Ценность их нисколько не зависит от труда, необходимого на их первоначальное производство, и колеблется, смотря по изменению богатства и наклонностей лиц, желающих обладать ими.

Но эти предметы составляют лишь весьма незначительную часть той массы вещей, которая ежедневно променивается на рынке. Несравненно большая часть тех предметов, которыми желают обладать люди, доставляется трудом и может быть увеличиваема не только в одной стране, но и во многих до такого предела,

который почти безграничен, если мы расположены расходовать труд, необходимый на добывание их.

Говоря далее о товарах, их меновой ценности и законах, управляющих относительными их ценами, мы имеем в виду исключительно товары такого рода, количество которых может возрасти вследствие приложения человеческого труда и производство которых находится под влиянием свободного соперничества.

На первых ступенях общественной жизни меновая ценность таких предметов или правило, устанавливающее количество одного предмета, которое должно давать в обмен за другой, зависит почти исключительно от сравнительного количества труда, употребленного на производство каждого из них.

«Действительная цена каждой вещи, — говорит Ад. Смит, — то, что каждая вещь действительно стоит человеку, желающему приобрести ее, это труд и усилия приобретения ее. То, что каждая вещь действительно стоит человеку, который приобрел ее и который желает располагать ею или обменять ее на что-нибудь другое, есть труд и усилия, которые могут быть сбережены для него и которые он может возложить на другие лица. Труд был первою ценою, первоначальною монетою, которою за все платили».

И далее:

«В этом раннем и первоначальном состоянии общества, которое предшествует как накоплению капитала, так и обращению в собственность земли, отношение между количествами труда, необходимыми для приобретения различных предметов, составляет, кажется, единственное условие, которое может до-

ставить какое-нибудь правило для обмена предметов одних на другие. Если, напр., у какого-нибудь охотничьего народа требуется обыкновенно в два раза более труда для того, чтобы убить бобра, чем для того, чтобы убить дикую козу, то один бобер, естественно, будет обмениваться за две диких козы или будет стоить столько. Естественно, что вещь, составляющая обыкновенно продукт труда двух дней или двух часов, должна стоить вдвое больше, нежели та, которая составляет обыкновенно продукт труда одного дня или одного часа».

(Book I, chap. 5)

Таково ли действительно основание ценовой ценности всех вещей, за исключением тех, которые не могут быть увеличиваемы промышленностью? Это составляет для политической экономии вопрос громадной важности, так как ниоткуда не вытекало столько ошибок и такого различия мнений в этой науке, как из шаткости значения, которое приписывалось слову «ценность».

Если количество труда, заключенное в предмете, регулирует его меновую ценность, то всякое возрастание в количестве труда должно увеличивать ценность предмета, на который употреблен труд, точно так же как всякое уменьшение количества труда должно понижать ценность.

Но Адам Смит, который с такою точностью определил первоначальный источник меновой ценности и которому надлежало бы, для последовательности, настаивать, что все вещи бывают большей или меньшей ценности, смотря по большему или меньшему количеству труда, потраченного на их производство, установил тем не менее другое мерило ценности и говорит, что вещь имеет ее более или менее, смотря по тому, на большее

или меньшее количество этого мерила она обменивается. Иногда говорит он о хлебе, иногда о труде, как о мере ценности — не о том количестве труда, которое потрачено на производство предмета, но о том количестве, которое может быть куплено за предмет на рынке: точно будто то и другое выражение совершенно равнозначительные и будто если труд человека становится вдвое более успешным и человек может поэтому произвести вдвое больше товаров, то он необходимо и получит за свой труд вдвое больше, чем прежде.

Если бы действительно было так, если бы вознаграждение рабочего находилось всегда в соответствии с тем, что он производит, то количество труда, израсходованное на предмет, и количество труда, которое за этот предмет можно купить, были бы одинаковы, и каждое из них могло бы в точности измерять колебания других вещей; но они отнюдь не одинаковы: первое, при многих обстоятельствах, есть неизменное мерило, правильно указывающее на колебания цены других вещей; второе подвержено стольким же колебаниям, как и сами предметы, которые сравниваются с ним. Указав в высшей степени удачно на недостатки непостоянного мерила, каковы золото и серебро по отношению к определению изменений в ценности других вещей, Ад. Смит сам избрал не менее изменчивую меру, остановившись на хлебе или труде.

Нет сомнения, что ценность золота и серебра подвержена колебаниям вследствие открытия новых и более изобильных рудников; но такие открытия редки и действие их, хотя и значительное, ограничивается периодами сравнительно краткой продолжительности. Ценность их подвержена также колебаниям вследствие улучшений в эксплуатации и в машинах, которыми